

УДК 1(091)

В. П. Кошарный

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. Анализируется отражение в русской религиозно-философской публицистике революционных событий февраля–марта 1917 г. в России. Автор приходит к выводу об эволюции мысли русских философов в сторону критического отношения к теории и практике классовой борьбы и революционного социализма, осознания необходимости осмысления исторических событий через призму религиозной метафизики.

Ключевые слова: революция, метафизика, революционный процесс, революционный социализм, религиозная философия, эволюционный социализм.

Abstract. The article analyzes the reflexion of the revolutionary events of february-march 1917 in Russia in the Russian religious and philosophic essays. The author concludes that the evolution of thoughts of the russian philosophers tends to criticize the theory and practice of class struggle and the revolutionarty socialism, to realize the necessity of comprehending the historic events through the lenses of religious metaphysics.

Key words: revolution, metaphysics, revolutionarty process, revolutionary socialism, religious philosophy, evolutionary socialism

Февральская революция 1917 г. происходила уже в иной обстановке, нежели революция 1905–1907 гг. В преддверии 1917 г. резко обострились социальные и политические противоречия, значительно усиленные тяготами Первой мировой войны, в которую была втянута Россия в августе 1914 г. Порожденная войной экономическая разруха и, как следствие ее, обострение нужды и бедствий народных масс, вызвали острую социальную напряженность в стране, рост антивоенных настроений и всеобщее недовольство не только левых и оппозиционных, но и значительной части правых сил политической самодержавия. Заметно упал в глазах всех слоев общества авторитет самодержавной власти и ее носителя – царствовавшего императора. Война серьезно потрясла нравственные устои общества, внесла небывалое ожесточение в сознание и поведение людей. Массы солдат, ежедневно видевших кровь и смерть, легко поддавались революционной пропаганде и готовы были пойти на самые крайние меры. Прекращение войны неизбежно связывалось с ликвидацией политического режима, втянувшего народ в войну. К концу 1916 г. страна оказалась в состоянии глубокого социального, политического и нравственного кризиса [1].

К февралю 1917 г. русская религиозная интеллигенция пришла с солидным идейным багажом. Годы кризиса после первой русской революции,

период Первой мировой войны были заполнены напряженными идейными исканиями. Активно работали религиозно-философские общества в Петербурге и Москве, одна за другой выходили в свет книги С. Булгакова, Н. Бердяева, Н. Лосского, В. Розанова, С. Франка, П. Флоренского, Л. Шестова, В. Эрна и других авторов. Журнал «Русская мысль», возглавляемый с 1907 г. П. Струве, последовательно раскрывал тему национальной судьбы и «государственности», культуры и интеллигенции. Проблема революции постепенно переводилась в метафизическую плоскость. Прошедшие революционные потрясения были поняты как попытка «метафизического и онтологического прорыва» к другому миру, попытка небезопасная для общественного организма России потенциалом деструктивности. Казалось, что большая часть религиозно ориентированной интеллигенции окончательно преодолела благодушное отношение к политической революции как средству общественных преобразований, появившееся перед революцией 1905–1907 гг. Но история, как говорят, повторяется. Вторая русская революция, покончившая с самодержавием, была встречена с восторгом. Философская публицистика этого периода развернута лицом к теме революции, свободы и власти. Два новых еженедельника «Русская свобода» и «Народоправство» целиком сосредоточены на этой теме. Основные их авторы – П. Струве, Н. Бердяев, Б. Выше-славцев, В. Зеньковский, Н. Алексеев, В. Муравьев, С. Франк. Только Н. Бердяев за короткое время опубликовал свыше 50 статей, посвященных революционным событиям.

Обратимся к характеристике февраля русскими мыслителями. «Величайшее мировое событие», «историческое чудо», которое «прожгло, очистило и просветлило», – говорил о февральской революции П. Струве в основанном им журнале «Русская свобода» [2, с. 3]. «"Русская свобода", – обозначал здесь же задачу журнала Струве, – являясь в политическом отношении продолжением «Освобождения» 1902–1905 гг., будет ставить и отстаивать те широкие задачи укрепления свободы и развития культуры, которые после Манифеста 17 октября проводили в 1905 г. наши еженедельники «Полярная звезда» и «Свобода и культура». Для этих громадных созидательных задач теперь, наконец, открылся широкий простор» [2, с. 4–5].

«Великая русская революция», «всенародный порыв», «общенациональный сдвиг» – такими определениями наделял Н. Бердяев февральско-мартовские события 1917 г. в России. «Русская революция самая национальная, самая патриотическая, самая всенародная из всех революций, наименее классовая по своему характеру, не "буржуазная" и не "пролетарская"» [3].

Воодушевление было настолько сильным, что еще до отречения Николая II и начала демократических преобразований во второй книжке журнала «Русская мысль», вышедшей в свет в феврале 1917 г., П. Струве в статье-предисловии «Освобожденная Россия» утверждал, что долгожданная свобода достигнута и «дело политического освобождения завершено», и призывал русский народ сплотиться перед внешним врагом [3].

Однако действительность заставила вскоре более трезво посмотреть на развитие революционного процесса. Сценарий восприятия религиозно-философской интеллигенцией русской революции 1905–1907 гг. во многом повторился и в 1917 г. Установившееся после февральско-мартовской революции двоевластие – своеобразное и крайне противоречивое переплетение власти российской буржуазии и Советов – не могло устроить ни Временное

правительство, ни большевиков. Началась ожесточенная борьба за влияние на широкие народные массы, борьба за политическую власть.

Сам ход развития событий, все возрастающая роль большевиков в политическом процессе заставляли представителей российской демократической интеллигенции задуматься над тенденциями в развитии революции и ее возможными результатами.

Следует сказать, что Первая мировая война окончательно убедила российскую общественность в неспособности разложившегося самодержавия сколь-нибудь эффективно управлять страной. К такому выводу пришли не только представители левого крыла политического спектра. Н. Бердяев, например, связывал с этим молниеносный характер падения царского режима. Он констатировал, что у некогда «священного царства» не нашлось фактически ни одного защитника, отвернулись все, даже церковь довольно легко приняла Февральскую революцию [4, с. 7]. Но уже в первые недели после начала революционных событий возникли серьезные опасения за судьбы свободы и демократии.

Для многих тогда, как и в наше время, была ясна связь между кровопролитнейшей войной и революцией. Но если большевики рассматривали войну и военные неудачи как фактор, ускоряющий революции, и в связи с этим поддерживали лозунг «поражения царского правительства в империалистической войне», то представителями либерально-демократических кругов соотношение войны и революции представлялось весьма противоречивым и даже парадоксальным. Тут сказывалось принципиальное различие в понимании задач российской революции. С одной стороны, война, несомненно, способствовала началу революции, но, с другой стороны, она ей мешала, так как часть общества из патриотических побуждений склонна была терпеть старую власть до окончания военных действий. По этой же причине лояльно относились к Временному правительству и консервативно настроенные силы. «Патриотически-оборонческие» настроения в значительной степени подкреплялись сознанием того, что поражение России в войне может оказаться крайне опасным для дела свободы и демократии.

Ослабленная и униженная страна, утратившая свои позиции на мировой арене, может стать легкой добычей для антидемократических сил внутри страны. Но если будет разрушено общенациональное единство, «если в решении судеб государства будет господствовать принцип классовой борьбы, если в массах будут господствовать социал-демократы-„большевики“ с их анархически-бунтарской тактикой, – то контрреволюционные попытки неизбежны и будут иметь оправдание», – заключал Н. Бердяев [4, с. 8].

Стремление не допустить обострения классовых противоречий, разжигания социальной «ненависти», воцарения «анархии» получили выражение в многочисленных публикациях того времени. «Анархический хаос до того ужасен, что он заставляет людей бросаться в объятия всякой власти, как бы плоха она ни была», – писал Е. Трубецкой [5]. Главной задачей момента для демократических сил являлось закрепление демократических завоеваний и недопущение развития политических событий в направлении социалистической революции и диктатуры пролетариата. В этот период Струве, Бердяев, Франк и другие представители религиозно-философской мысли акцентируют общественное мнение на необходимости реформ в духе «государственного социализма», регуляции хозяйственной жизни с учетом интересов всех слоев

общества, на защите интересов труда «под знаком национально-государственного блага», на необходимости отказа от классового подхода в решении социально-экономических вопросов и перенесении центра внимания на личность. Торжество демократии связывалось с обеспечением человеку места в жизни в соответствии с его личностными качествами, а не социально-классовым положением.

Со страниц газет и журналов звучали призывы понять демократию как осуществление «религиозного идеала народовластия», всенародного «свободного строительства высшей правды на земле», бескорыстное, самоотверженное служение таким высшим ценностям, как власть, где сочетаются личная свобода и подчинение государству, личность и власть сознают себя равноправными служителями общественного идеала в противовес вульгарно-материалистическому истолкованию демократии как средства распределения материальных благ. Последнее с необходимостью должно привести к выплескиванию эгоистических страстей, борьбе социальных групп, классовой ненависти и в конечном счете к «диктатуре пролетариата». Есть два типа демократии и два типа социализма, подчеркивал С. Франк. «Есть социализм человечности и справедливости, и есть социализм классовой ненависти и зависти. Идея социализма как внесения начал справедливости и человечности в социальные отношения есть необходимый момент нравственно-демократического идеала, и в дни морального энтузиазма, при настроении самопожертвования в пользу родины, всегда имеет успех и в имущих классах общества. Этот социализм есть также начало объединяющее и примирительное, тогда как социализм, обоснованный на классовом эгоизме и классовой ненависти, есть начало гражданской войны и взаимного озлобления» [6].

Будущее России усматривалось не в реализации идеи «диктатуры пролетариата» и марксистского революционного социализма, а в идеале «государства культуры», органически сочетающего частные цели отдельных лиц и реализующего «культурно-политический мессианиззм». «Это на земле многострунная арфа Якова Беме, Плерома – Совершенная Полнота Валентина. Культурное государство есть, в сущности, государство религиозное, ибо, – писал В. Муравьев, – всякая культура в конечном итоге стремится к религии» [7, с. 2]. На первом своем этапе новое российское государство должно быть правовым, чтобы обеспечить всем свободу, на втором – «культурным», чтобы наполнить эту свободу богатством русских творческих сил, а на третьем – религиозным. Причем, по замыслу Муравьева, право должно со временем исчезнуть, поглощенное культурой, а культура, в свою очередь, превратиться в религию [7, с. 22]. С русской православной культурой как объединяющим фактором связывал судьбу России и В. В. Зеньковский [8].

Как видим, стремление осмыслить социально-политические процессы через призму религиозных идеалов и принципов сохранялось и в этот период, когда на авансцене жизни бушевала наполненная драматизмом борьба политических интересов. Правда, к этому времени произошли существенные изменения в отношении к когда-то владевшим сознанием хилиастическотеократическим надеждам и мечтаниям. Так, Н. Бердяев окончательно отошел от теократических иллюзий и встал на новые позиции. Теперь он считал, что внутренний религиозный сдвиг в христианстве должен отвергнуть всякую теорию и в сфере мировой общественности утверждать религиозно обоснованную «антропократию», «человеческое самоуправление» [9]. «Ан-

тропократия», по Бердяеву, это и есть «имманентная теократия» или самоуправление религиозно прозревшего человека. В дальнейшем эти мысли выльются в концепцию «персоналистического социализма», которой Н. Бердяев был верен до конца жизни.

Постепенно критика революционного, классового социализма нарастала. Уже в седьмом номере «Русской свободы» за 1917 г. Струве пишет, перефразируя известное высказывание Герцена: «Россия наших дней изображает из себя пьяного илота социализма и классовой борьбы» [10]. Появляются признания антикультурного и антигосударственного характера разворачивающейся революции, звучат требования ограничить разрушительные действия тем, что мешает созиданию, противодействовать психологии ненависти, утверждаемой левыми радикалами [11].

Тема революции практически всегда переплеталась с темой социализма. И это, конечно, не случайно. Нарастание революционных настроений народных масс подогревалось естественным желанием и надеждой на установление социально-справедливого общественного порядка, мечтами об «ином мире». Не допустить крайности в развитии революции, направить социальные настроения в спокойное, организованное русло – задача, которая встает во весь рост перед демократической общественностью весной–летом 1917 г.

В июле 1917 г. видный правовед Н. Алексеев признавал: революция в той форме, которую она приобрела в России, «не улучшила ничего», она лишь подготовила почву для «краха русского социализма» [12], – и призывал к «очищению» революции от разрушительных начал и укреплению начал творческих и созидательных.

На повестку дня выдвинулась задача отделения социализма от «революционизма», выведения вопроса о социализме за пределы политики и борьбы за власть в сферу «социальной организации и созидательного труда» [13]. Н. Бердяев решил эту проблему путем разведения понятий «политическая революция» и «социальная революция». Последняя, по его мнению, в строгом смысле слова «вообще невозможна, никогда не бывала и никогда не будет». Он считал возможной лишь «социальную эволюцию» с более или менее ускоренным темпом, социальные реформы более или менее смелые и радикальные [14, с. 17–18]. Все упования на «революционный социальный катаклизм», прыжок «из царства необходимости в царство свободы» он рассматривал как смутные и бессознательные переживания эсхатологического предчувствия конца этого материального мира [14, с. 17–18]. Бердяев, сам неоднократно говоривший об эсхатологической перспективе мира, однако, полагал, что в пределах земной истории может происходить только социальная эволюция. Марксистская идея социальной революции была выработана под влиянием ранних ступеней капиталистического развития Англии со всеми его отрицательными сторонами. Но в России, полагал теперь Бердяев, развитие капитализма по классическому варианту уже невозможно в силу накопленного исторического опыта, как невозможен и возврат к капитализму довоенного типа. Мировая война, поставившая экономику России в исключительные условия, вызвала «необратимый процесс государственной регуляции и социализации» и тем самым открыла новую фазу социальной эволюции, которая «к социализму в доктринальном смысле не приведет» [14, с. 15–16]. Получилось так, что именно этому предсказанию Бердяева и не суждено было сбыться.

Позднее он признал: «...Утопии оказались более осуществимы, чем казались раньше. И теперь стоит другой вопрос, как избежать их окончательного осуществления... как вернуться к не утопическому обществу, к менее совершенному» [15]. Неосуществимые со своей внутренней стороны, в притязаниях на построение совершенного общества, утопии, как показала история, осуществимы со своей организационной стороны, со стороны «того распорядка вещей, который разрабатывают для достижения всеобщего блаженства утопические умы» [16].

В канун октября 1917 г. критика социализма нарастает. Все чаще критиковались тактика и программные установки меньшевиков и эсеров [17]. С. Франк писал о «тусклости, элементарности и обветшалости» идейной основы революции; он утверждал, что «широкие круги образованного общества» чужды всякого увлечения социализмом [18]. В публицистике тех лет был зафиксирован и такой феномен, как фетишизация революции, который присутствовал в общественном сознании многие десятилетия («есть у революции начало, нет у революции конца»). Так, Бердяев резко выступал против «преклонения» перед «земной богиней, именуемой революцией», называл это «рабством духа» и «идолопоклонством», призывал к религиозной аскезе, которая должна положить предел безответственным и распущенным оргиям социальной мечтательности [19, 20]. «Хлыстовское человекобожие», «пьяная оргийность», «мистическое наследие Распутина», «мистическое веяние антихристового духа» – такими характеристиками пестрели статьи в журналах «Русская мысль», «Русская свобода», «Народоправство», «Накануне» летом и осенью 1917 г. Теперь уже революции отказывалось в пафосе свободы, подчеркивалась опасность тирании толпы для свободы слова и мысли. «В наши кошмарные дни, – писал Н. Бердяев в октябре 1917 г., – мало кто решится независимо мыслить, свободно и независимо выражать свои мысли в слове» [21]. А в 13-м номере «Народоправства», вышедшем в самый канун октября, Бердяев вновь подверг сомнению осуществимость социализма в России, высказав то, что в начале 1920-х гг. станет предметом полемики В. И. Ленина с меньшевиком Н. Сухановым. Социализм на базе имеющихся в России экономических условий невозможен. Он может быть порождением лишь «избыточности» во всех сферах жизни. «Социализм есть роскошь, которую могут позволить себе лишь богатые, он предполагает непреложные объективные условия. Социалистические эксперименты над отсталой и бедной страной по существу реакционны, они отбрасывают назад и разлагают» [22]. С последним утверждением трудно спорить, так как за всю последующую историю ни в одной из стран социалистической ориентации не удалось создать эффективного механизма стимулирования общественного труда, но зато иждивенческие настроения крепко вошли в сознание людей.

Мысль Бердяева вновь приобретает космический масштаб. Революционный социализм невозможен, утверждает он в ряде своих публикаций, еще и потому, что игнорирует таинственные, космические основы общества, способен разглядеть таинственные, мистические силы истории. Идея Маркса о возможности победы социализма исключительно в мировом масштабе находит в Бердяеве своеобразного союзника. Он религиозно-мистически обосновывал невозможность выделения из мирового целого какой-либо ограниченной территории и подчинения ее особым законам. Вновь зазвучали утверждения о том, что совершенная общественность возможна лишь в совершен-

ном космосе после окончательного устранения корней мирового зла. Социальные процессы начинают рассматриваться как часть космической жизни, связанной с мировым целым тысячами нитей и подверженной воздействиям космических энергий, опрокидывающих все утопии земного рая. Проблема социальная и была поставлена в связь с проблемой космической, – писал Н. Бердяев о духовном перевороте, случившемся с ним и его единомышленниками: «Для людей духовного опыта и усложненной мысли стало ясно, что невозможна совершенная организация человеческой общественности на поверхности земли, изолированной от мирового целого, от всего божественного миропорядка. Между человеческой общественностью и космической жизнью существует таинственный эндосмос и экзосмос» [14, с. 16].

К таким итогам приходят религиозные философы к октябрю 1917 г. Социализм для большинства из них теперь возможен лишь как частное явление, подчиненное объективным началам государства, нации и культуры, которое не может быть субъективным произволом какого-либо класса. Революция, воодушевляемая идеалами классового социализма, приведет к атомизации общества, распаду целостности и преемственности русской истории.

Революционный, классовый социализм объявляется торжеством «психологизма над онтологизмом, торжеством субъективно-произвольных состояний людей и человеческих групп над объективными началами» [23].

Все лето и осень 1917 г. вплоть до Октябрьского переворота Струве, Бердяев, Булгаков, Изгоев, Лосский, Франк и другие авторы журналов «Русская мысль», «Русская свобода», «Народоправство», «Накануне», «Вестник партии народной свободы» выступали против революционного, классового социализма, отстаивали идею примата высших ценностей (религии, философии, науки, культуры, нравственности) по отношению к ценностям «относительным», писали о культурном призвании демократии и жизненной необходимости патриотического объединения, обличали «народничество» и экстремизм большевиков, защищали свободу и достоинство слова, но их выступления уже ничего не могли изменить. Не помогли и спешно созданные организации и общества типа «Лиги русской культуры», основанной Струве в мае 1917 г., Союза эволюционного социализма – организации, созданной некоторыми руководящими деятелями кадетской партии по образцу Фабианского общества, особой секции Петербургского философского общества, основанной Союз духовной революции, на митингах и заседаниях которого говорили о необходимости «углубления» революции, но посредством «революции совести», таящей «религиозный смысл». Но было уже слишком поздно. Революционный вал уже нельзя было остановить.

Список литературы

1. **Федоров, В. А.** История России 1861–1917 / В. А. Федоров. – М. : Высш. шк., 2000. – Гл. 15.
2. **Струве, П.** Наша задача / П. Струве // Русская свобода. – 1917. – № 1. – С. 3–5.
3. Русская мысль. – 1917. – Кн. II. – С. XI.
4. **Бердяев, Н.** Психология переживаемого момента / Н. Бердяев // Русская свобода. – 1917. – № 1. – С. 7–8.
5. **Трубецкой, Е. Н.** Анархия и контрреволюция / Е. Н. Трубецкой. – М. : Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. – С. 4.
6. **Франк, С. Л.** Демократия на распутье / С. Л. Франк // Русская свобода. – 1917. – № 1. – С. 16.

7. **Муравьев, В.** Русский революционный мессианизм / В. Муравьев // Русская свобода. – 1917. – № 1. – С. 21–22.
8. **Зеньковский, В. В.** Единство России / В. В. Зеньковский // Народноправство. – № 5. – С. 2.
9. **Бердяев, Н.** Идеи и жизнь. Теократические иллюзии и религиозное чувство / Н. Бердяев // Русская мысль. – 1917. – Кн. III–IV. – С. 75.
10. **Струве, П.** Иллюзии русских социалистов / П. Струве // Русская свобода. – 1917. – № 7. – С. 4.
11. **Вышеславцев, Б. П.** Любовь и ненависть в социальной жизни / Б. П. Вышеславцев // Народноправство. – 1917. – № 1. – С. 9–11.
12. **Алексеев, Н.** Спасение или очищение? / Н. Алексеев // Народноправство. – 1917. – № 4. – С. 2.
13. **Бердяев, Н.** В защиту социализма / Н. Бердяев // Народноправство. – 1917. – № 3. – С. 10.
14. **Бердяев, Н.** О политической и социальной революции / Н. Бердяев // Собр. соч. – Париж : YMCA-press, 1990. – Т. 4. – С. 13–18.
15. **Бердяев, Н. А.** Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. – М. : Феникс, 1991. – С. 79.
16. **Гальцева, Р. А.** Очерки русской утопической мысли XX века / Р. А. Гальцева. – М. : Наука, 1991. – С. 4–5.
17. **Изгоев, А. С.** Социализм во второй русской революции / А. С. Изгоев. – 1917. – С. 82.
18. **Франк, С.** Нравственный водораздел в русской революции / С. Франк. – 1917. – С. 6–8.
19. **Бердяев, Н.** Власть и ответственность / Н. Бердяев // Русская свобода. – 1917. – № 6. – С. 6.
20. **Бердяев, Н.** Контрреволюция / Н. Бердяев // Русская свобода. – 1917. – № 10–11. – С. 3–7.
21. **Бердяев, Н.** О свободе и достоинстве слова / Н. Бердяев // Народноправство. – 1917. – № 11. – С. 5.
22. **Бердяев, Н.** Объективные основы общественности / Н. Бердяев // Народноправство. – 1917. – № 13. – С. 8.
23. **Бердяев, Н.** Личное благо и сверхлические ценности / Н. Бердяев // Русская мысль. – 1917. – Кн. XI–XII. – С. 33.

Кошарный Валерий Павлович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Пензенский государственный
университет

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Kosharny Valery Pavlovich

Doctor of philosophy, professor, head
of sub-department of philosophy,
Penza State University

УДК 1(091)

Кошарный, В. П.

Февральская революция 1917 г. в религиозно-философской публицистике (философско-социологический анализ) / В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 32–39.